

Комлик Надежда Николаевна

**ПОВЕСТЬ Е. И. ЗАМЯТИНА "УЕЗДНОЕ": МОТИВ ДУРАКА В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИЙ
НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Статья рассматривает функционирование в повести "Уездное" мотива дурака, одного из ведущих в творчестве Е. И. Замятина, воссоздавшего обширный континент национальной глупости. Осмысление художественного бытования этого мотива осуществляется через анализ богатейшей системы народной поэзии, народного мироощущения и миропонимания в их тесном внутреннем соотношении с оригинальной системой писателя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/6-2/22.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. II. С. 82-84. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Все участники фестиваля получают сертификаты, а победители в номинациях – дипломы и призы на основании протоколов по итогам конкурсов «Театральная газета», «Маски-шоу», «Театрализованное представление» и решения оргкомитета фестиваля. Оргкомитет и жюри фестиваля по подведению итогов могут принять особое решение, касающееся поощрения отдельных участников, с соответствующим обоснованием этого решения («The Special Jury Prize»). Награждение конкурсантов проводится в торжественной обстановке по завершении основной концертной программы фестиваля.

Несомненно, описанное внеаудиторное мероприятие позволяет полнее реализовать свой потенциал не только студентам, но и преподавателю, предоставляя ему возможность работать с более мотивированными студентами, распределяя их по уровню языковой и культурологической подготовки. При этом положительная роль внеаудиторной работы для студентов очевидна в качестве дополнительного источника знаний об иностранном языке и культуре. Формы работы, предусмотренные в рамках фестиваля, ведущую роль отдают самим студентам, которые получают дополнительную возможность развивать свой интеллектуальный и творческий потенциал посредством иностранного языка. Таким образом, внеаудиторное мероприятие «Студенческий Шекспировский фестиваль театрализованных представлений на иностранном языке», организуемое в рамках внеаудиторной социально-воспитательной работы для студентов неязыковых направлений подготовки в Институте природных ресурсов Национального исследовательского Томского политехнического университета, имеет много положительных сторон и вариантов организации и проведения в целях решения актуальных задач обучения иностранным языкам.

Список литературы

1. **Азимов Э. Г., Щукин А. Н.** Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
2. **Евдокимова Е. К.** К вопросу о внеаудиторной работе студентов неязыковых специальностей по изучению иностранного языка в вузе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. № 1. С. 141-148.

THE ORGANIZATION AND REALIZATION OF THE FESTIVAL OF DRAMATIZED SHOWS IN A FOREIGN LANGUAGE FOR STUDENTS OF NON-LINGUISTIC SPECIALITIES

Kovalenko Nadezhda Sergeevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research Tomsk Polytechnic University
contrast@rambler.ru

In the article the organization and realization of an extracurricular event in the form of a festival of dramatized shows in a foreign language for students of non-linguistic specialties are considered in detail. Such festivals promote the development of students' intellectual and creative potential, the optimization of the educational process and the increase in motivation level for a foreign language studying in the process of realization of creative activity in a foreign language.

Key words and phrases: foreign language for students of non-linguistic specialties; extracurricular event in a foreign language; social and educational work; festival of dramatized shows; development of intellectual and creative potential of students; increase in motivation for a foreign language studying.

УДК 82:801.6

Филологические науки

Статья рассматривает функционирование в повести «Уездное» мотива дурака, одного из ведущих в творчестве Е. И. Замятина, воссоздавшего обширный континент национальной глупости. Осмысление художественного бытования этого мотива осуществляется через анализ богатейшей системы народной поэзии, народного мироощущения и миропонимания в их тесном внутреннем соотношении с оригинальной системой писателя.

Ключевые слова и фразы: традиции народной поэзии; народный уклад жизни; народный характер; уездное бытие; глубинная Россия; интеллектуальный потенциал русской провинции.

Комлик Надежда Николаевна, д. филол. н., проф.
Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина
nkomlik@rambler.ru

ПОВЕСТЬ Е. И. ЗАМЯТИНА «УЕЗДНОЕ»: МОТИВ ДУРАКА В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ[©]

Бездумность – определяющая черта личности героя повести Е. И. Замятина «Уездное» Барыбы [5]. Она играет важную роль в развитии проблемы «родительской опеки» и имеет в произведении фольклорные истоки.

В ней настойчиво звучит хорошо знакомый по русским народным сказкам мотив Ивана-дурака, точнее Барыбы-дурака. Так героя повести называет сам автор в письме к Людмиле Николаевне Усовой (20-21 июля 1913 г.). В нем командированный в город Николаев Замятин сообщает жене, что как раз в период острой нехватки денег он неожиданно получает двести рублей от редакции журнала «Заветы» за публикацию повести «Уездное». И радостно добавляет: «Вот он, когда пригодился-то Барыба-дурак» [6, с. 140].

Слово «дурак» является одной из самых употребительных лексических единиц в «Уездном». Им сопровождаются почти все герои произведения: «дура Полька», «дурак Савка», «дурак Евсей», «толстая дура» исправничица, дураком в финале повести величает себя и своего отца Барыба, чуть было не упустивший своего жандармского счастья из-за «мураша надоедного», мешавшего ему решиться на оговор Тимоши в суде.

Чрезвычайно важная для народной поэзии и русской литературы всего времени ее существования тема глупости и ума является одной из главных в творчестве Е. Замятина. Заявленная в «Уездном», она весьма актуальна для идейно-художественного содержания повестей «Алатырь» и «На куличках». Обширный континент национальной глупости прорисовывается в пьесах «История одного города», «Блоха», в искрящихся остроумием сказках Замятина. Одним словом, художник создал свой «Город Глупов», свою страну дураков, которая тем не менее имеет фольклорные истоки.

Тема глупости, дурака в народной поэзии освещается по-разному. В волшебных сказках образ главного героя, Ивана-дурака, романтизирован. Он благороден, искренен, честен. Ему все удается: и поймать за хвост жар-птицу, и расколдовать заколдованную царевну, и даже получить за ней в приданое царство. Здесь Иванушка – дитя воображения и надежды народного сознания – воплощает то лучшее, что было в характере народа. Такой «дурак» – символ активности, высокой нравственности, всего того духовно и душевно прекрасного, что имел и ценил в себе народ.

Но есть, как известно, в русском фольклоре «дурак» иного рода. Это герой иронических, насмешливых социально-бытовых сказок, художественная природа которых очень созвучна уникальному таланту Замятина. В глупце таких сказок нет ничего общего с романтическим Иваном-дураком. Это самый настоящий дурак. Существует довольно распространенное заблуждение (на него указывает В. Аникин), что подобные герои «роняют достоинство народа и выражают весьма сомнительные идеалы – стремление лежать и ничего не делать» [1, с. 38]. Подобное мнение, как поясняет фольклорист, «основано на недоразумении, на непонимании смысла сказок, на привычке усматривать в герое бытовой сказки положительного героя по образу и подобию героя волшебной сказки – то есть носителя социальной справедливости» [Там же]. Функция же и смысл иронических сказок совсем в другом, в том, чтобы «вскрывать алогизм – неразумность, ложь «обычного» в людских отношениях, указывать на несоответствие их нормам здравого смысла» [Там же, с. 39]. Указанные В. Аникиным свойства бытовых сказок, широко используемые Замятиним, помогают художнику вскрыть глупость, «алогизм», «неразумность» уездного бытия, осуществляющего «нравственную опеку» над бесчисленными барыбами. Более того, следование Замятина традициям социально-бытовой сказки способствует проникновению в основы национального уклада жизни, народного характера, поскольку в сказках, как и вообще в народном поэтическом творчестве, отражена душа народа, «бессознательное нашего духа» в их прекрасном и безобразном вариантах. По мысли философа Б. П. Вышеславцева, в сказках мы найдем «и самые заветные мечты русского идеализма, и самый низменный житейский экономический материализм» [3, с. 114]. К их числу как раз и относятся ироничные сказки о русских дураках, в образах которых отразились утопические мечты русского человека «о таком "новом царстве", где распределение будет построено на принципе "каждому по его потребностям", где можно наесться и напиться, где стоит "бык печеный", где молочные реки и кисельные берега. А главное – там можно ничего не делать и лениться» [Там же].

Бесстрашной правдой русской народной сказки, в которой отразилось «все, что живет в подсознательной душе народа, и притом душе собирательной, охватывающей и худших его сынов» [Там же], веет со страниц замятинских повестей. Барыба именно тот дурак, что беспробудно ленив и невежествен, за что и был исключен из училища и согнан со двора родным отцом. Подобно глупцу ироничных сказок, Барыба наслаждается ничегонеделанием на балкашинском дворе: «Благодать Барыбе теперь: учиться не надо, делай, что тебе в голову взбредет, купайся, пока зубами не заляскаешь, за шарманщиком хоть целый день по посаду броди, в монастырском лесу – днюй и ночуй» [4, с. 41]. В соответствии с мечтой сказочного дурака устраивается «жисть» Барыбы и в доме Чеботарихи, где «на всем на готовеньком, в спокое, на мягких перинах, в жарко натопленных старновкою комнатах. Весь день бродить в сладком безделье...» [Там же, с. 46]. В силу этой мечты не желает Анфимка идти в «мужики», хоть и «чесались крепкие руки, сжимались жевательные мускулы» [Там же, с. 66], когда наблюдал он в вечернем поле за ладной работой косцов.

Дурак Барыба «умнее» этой возможности. В повести, переключаясь с темой глупости, настойчиво звучит мотив ума, обладающий своей особой функцией в общей системе осуществления авторского замысла. Заявленный в первых же строках повести («Отец бесперечь пилит: –Учись да учись, а то будешь, как я, сапоги тачать») [Там же, с. 39] мотив этот привносит особый смысловой нюанс в развитие проблемы «родительской опеки», осуществляемой уездным миром над «недорослем» Барыбой. Интеллектуальный потенциал этого мира представлен в двух типах ума. Во-первых, это «злой» ум «башковитого» Тимоши, бессильного как-то изменить внутреннюю, чресленную жизнь глубинной России, которая его категорически отвергает: «То-то вот и оно, образование-то, книги-то, – говорил старик из торговцев. – Тимоша-то, он не в меру умен был, Бога забыл, вот оно...» [Там же, с. 89]. Обладатели «злого» ума, известные русской литературе со времен

Грибоедова, отличались остроумием, смелостью, обладали способностью удачно и точно высмеять отдельные пороки людей, но в то же время были эгоистичны, бессердечны, насмешливо злы, поэтому, как правило, приносили несчастье и себе, и окружающим их людям. «Такие головы у нас недолго держатся. Вот мы с Барыбой проживем», – оценивает «злой ум» Тимоши уездный адвокат Моргунов [Там же, с. 85]. Моргунов, о котором в городе «понимали как об умном человеке» [Там же, с. 74], являет собой другой тип ума, почитаемый глубинной Россией. «Семен-то Семенович Моргунов? У-у, дока, язва! – в восхищении говорили – юбящие его за хитрость купцы». – Этот, брат, дойдет. Без мыла влезет и вылезет...» [Там же, с. 75]. С образом Моргунова связаны мотивы «лукавого ума», «хитрой науки», генетически восходящие к русским сказкам, отразившим мудрость народной этики и педагогики. Народная память хранит один из вариантов сказки «Хитрая наука», весьма симптоматичной и в плане отражения «бессознательного нашего духа», и в плане нравственно-этической оценки самим народом этого потаенно-бессознательного в душе русского человека. В упомянутой сказке речь идет о «бедной, неимущей» старухе, которой захотелось отдать своего сына в «такую науку, чтобы можно было ничего не работать, сладко есть и пить и чисто ходить» [2, с. 291]. И сколько ни уверяли старуху, что такой науки нигде нет, она не поверила, продала все свое имущество и отправилась с сыном искать «легкого хлеба». Долго ли, коротко ли, наконец нашелся такой учитель. Им оказался... сам чёрт. Скрытая в глубине «нашего бессознательного» мечта о «лёгком хлебе», который можно добыть с помощью «хитрой науки», тем не менее, по мысли Б. П. Вышеславцева, опровергается таким же «бессознательным чувством, что этот путь дьявольский» [3, с. 114]. Народная этика безошибочно определяет такую «науку», такую «опеку» бесовской.

Ищущий «легкого хлеба» Барыба, подобно герою сказки «Хитрая наука», попадает наконец к хромому бесу «замшелой» России, обучающему его науке жить: «Эх, милый, нам ли с тобой *стесняться да думать* над чем-нибудь? *С головой ведь* увязнем, сгинем. Как это в сказке какой-то: оглянуться – помереть со страху. Так уж лучше без оглядки» [4, с. 86] (*курсив автора – Н. К.*). «Умный» Моргунов довершает «уроки», преподанные бездумному Барыбе и сладострастной Чеботарихой, и нигилистом Тимошей, и пускающимся во все тяжкие святыми отцами уездного монастыря, поощряя в нем нутряное, чресленное, отрицая для него возможность оглядываться, «стесняться да думать», т.е. анализировать и оценивать свои поступки, осмысливать и соотносить себя с миром, развивать «потребность нравственного долга к самому себе и человечеству». Отсутствие «сильного сознания» у сотен уездных барыб явилось залогом прогрессирующей национальной болезни духовной несамостоятельности, моральной неразборчивости, податливости к восприятию любой «хитрой науки», обещающей «легкого хлеба» и райской жизни на земле. Замятин констатирует, что такая моральная сумятица – результат отеческой оставленности, духовного сиротства, безнадежной затерянности глубинной России, оказавшейся во власти хромого беса Моргунова, «родительская опека» которой весьма способствовала разрушению русского Дома.

Список литературы

1. Аникин В. П. Русская народная сказка: пособие для учителя. М.: Просвещение, 1997. 208 с.
2. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: в 3-х т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 2. 510 с.
3. Вышеславцев Б. П. Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 112-121.
4. Замятин Е. И. Избранные произведения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. 527 с.
5. Комлик Н. Н. Творческое наследие Е. И. Замятина в контексте традиций русской народной культуры: монография. Изд-е 2-е, испр. и доп. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2003. 266 с.
6. Рукописные памятники. Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина: в 2-х ч. СПб.: Российская национальная библиотека, 1997. Вып. 3. Ч. I. 436 с.

THE STORY BY Y. I. ZAMYATIN “A PROVINCIAL TALE”: THE MOTIVE OF A FOOL IN THE CONTEXT OF FOLK CULTURE

Komlik Nadezhda Nikolaevna, Doctor in Philology

I. A. Bunin Elets State University

nkomlik@rambler.ru

The article considers the functioning in the story “A Provincial Tale” the motive of a fool, one of the major ones in the creative work of Y. I. Zamyatin who reconstructed the vast continent of national stupidity. The understanding of the artistic existence of this motive is carried out through the analysis of the richest system of folk poetry, folk world perception and world outlook in its close internal correlation with the writer’s original system.

Key words and phrases: traditions of folk poetry; folk lifestyle; folk character; provincial routine; Russian upcountry; intellectual potential of Russian province.